

Статья А. П. Сумарокова «Российский Вифлеем» в апрельском номере «Трудолюбивой пчелы» (1759): к проблеме определения жанра

Ю. В. Сложеникина^{✉1}, А. В. Растягаев¹

¹ Московский городской педагогический университет, Самарский филиал,
443081, Россия, г. Самара, ул. Стара-Загора, д. 76

Сведения об авторах

Юлия Владимировна
Сложеникина,
SPIN-код: 5293-4241,
e-mail: goldword@mail.ru

Андрей Викторович Растягаев,
SPIN-код: 8717-1760,
e-mail: avr67@yandex.ru

Для цитирования:

Сложеникина, Ю. В.,
Растягаев, А. В. (2019) Статья
А. П. Сумарокова «Российский
Вифлеем» в апрельском номере
«Трудолюбивой пчелы» (1759):
к проблеме определения жанра.

*Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 1, № 2, с. 121–130.
DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-
2-121-130

Получена 16 сентября 2019;
прошла рецензирование
26 октября 2019;
принята 30 октября 2019.

Финансирование:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 18-012-00356 А.

Права:

© Авторы (2019). Опубликовано
Российским государственным
педагогическим университетом
им. А. И. Герцена. Открытый
доступ на условиях лицензии
CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Авторы статьи придерживаются теории ансамблевой структуры первого частного ежемесячного российского журнала «Трудолюбивая пчела». Все десять разделов апрельского номера образуют метатекст, ядро которого составляют три сумароковские эссе поэтологического характера: «О несогласии», «О разности между пылким и острым разумом», «О неестественности», которые манифестируют взгляд издателя журнала на природу искусства, на понятие литературного вкуса, на соотношение риторики и поэтики в словесном творчестве, на связь действительности и искусства. Статья «Российский Вифлеем» относится к семантической периферии апрельской книжки журнала. Функция данной публикации в номере оставалась неясной в течение всего времени ее изучения, а сама статья рассматривалась обычно как псевдоисторическое сочинение. Концепция журнала как метатекста, т. е. синтагматической связи всех 12 книжек «Трудолюбивой пчелы» и парадигматической организации каждого конкретного номера, позволила определить жанр статьи Сумарокова «Российский Вифлеем» как контаминированную пародию на следующие жанры: похвальное слово, историческое сочинение и похвальная ода. До Сумарокова пародированию в стихотворной форме подвергалось, как правило, только поэтическое творчество — стихотворство отдельных авторов. Писатель первым создал пародийную контаминацию поэтических и прозаических жанров. Пародической личностью мог быть сам Сумароков — в таком случае эссе представляет собой автопародию, назначение которой — показать читателям текст, созданный причудой пылкого разума, не стремящегося к пронизательности, а ведомого только горячностью. Вторым объектом пародии мог быть М. В. Ломоносов и два его произведения: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1754–1758) и «Слово похвальное блаженному и вечно достойному памяти государю императору Петру Великому...» (1755), а также весь комплекс риторических топосов одического творчества Ломоносова. Сумароков крайне низко оценивал поэтические качества произведений своего оппонента и в дальнейшем не раз остроумно пародировал его творчество на страницах «Трудолюбивой пчелы».

Ключевые слова: Сумароков, Ломоносов, пародия, ода, «Российский Вифлеем», «Трудолюбивая пчела», метатекст, история журналистики.

A. P. Sumarokov's article "Russian Bethlehem" in the April issue of "The hardworking bee" (1759): To the problem of the genre definition

J. V. Slozhenikina^{✉1}, A. V. Rastyagaev¹

¹ Moscow City University, Samara Branch, 76 Stara-Zagora Str., Samara 443081, Russia

Authors

Julia V. Slozhenikina,
SPIN: 5293-4241,
e-mail: goldword@mail.ru

Andrey V. Rastyagaev,
SPIN: 8717-1760,
e-mail: avr67@yandex.ru

For citation:

Slozhenikina, Ju. V., Rastyagaev, A. V. (2019) A. P. Sumarokov's article "Russian Bethlehem" in the April issue of "The Hardworking Bee" (1759): To the problem of the genre definition. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 1, no. 2, pp. 121–130.
DOI: 10.33910/2686-830X-2019-1-2-121-130

Received 16 September 2019;
reviewed 26 October 2019;
accepted 30 October 2019.

Funding:

The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-00356 A.

Copyright:

© The Authors (2019). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract. The authors of the article adhere to the theory of ensemble structure of the first private Russian monthly magazine "The hardworking bee". All ten sections of the April issue form a meta-text, the core of which consists of three Sumarokov's essays of poetic character: "About Disagreement", "About Difference between Ardent and Acute mind", "About Unnaturalness", which manifest the view of the magazine's publisher on the nature of art, on the concept of literary taste, on the ratio of rhetoric and poetics in the verbal art, on the connection between reality and art. The article "Russian Bethlehem" refers to the semantic periphery of the April book of the journal. The function of this publication in the issue remained unclarified during the entire period of its study, and the article itself was usually regarded as a pseudo-historical work. The concept of the journal as a metatext, i. e. the syntagmatic connection of all 12 books of the "The hardworking bee" and the paradigmatic organization of each particular issue, made it possible to define the genre of Sumarokov's essay "Russian Bethlehem" as a contaminated parody of the following genres: a prosaic panegyric, a historical composition and a gala ode. Prior to Sumarokov, only poetry — the poetry of individual authors — was parodied. The writer was the first to create a parody contamination of poetic and prose genres. Sumarokov himself could be a parodic personality — in this case, the essay is an autoparody, the aim of which is to show the readers the text created by the quirk of an ardent mind, not striving for perspicacity, but driven only by fervor. The second object of the parody could be M. V. Lomonosov and his two writings: "Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Duke Yaroslav the First or until 1054" (1754–1758) and "A word of praise to the blessed and eternally worthy of the memory of Emperor Peter the Great..." (1755), as well as the entire complex of rhetorical locus communis of Lomonosov's odes. Sumarokov evaluated the poetic qualities of his opponent's writings extremely low, and later wittily parodied his odes on the pages of "The hardworking bee".

Keywords: Sumarokov, Lomonosov, parody, ode, "Russian Bethlehem", "The hardworking bee", metatext, history of journalism.

Введение

Содержание апрельской книжки «Трудолюбивой пчелы» (далее — ТП), издававшейся Александром Сумароковым в 1759 г., отличалось особой пестротой и разноречием. Номер состоял из десяти разделов:

I. Опыт Немецкого Словаря, расположенного по русскому алфавиту. Переведено из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера (Перевод с немецкого Андрея Нартова) (195–212)¹.

II. Баснь. О Пираме и Фисве. Из четвертой книги Овидиевых превращений (Перевод с латинского Григория Козицкого) (212–219).

III. Из трактата Лонгинова, о важности слова с перевода Боалова. Глава II. (Перевод с французского Александра Сумарокова) (219–225).

IV. Истолкование личных местоимений я, ты, он, мы, вы, они (Александр Сумароков) (225–229).

V. (Рассуждение из) Части III. Из I. Речи Смотрителя (Перевод Александра Сумарокова) (229–231).

VI. О несогласии (Александр Сумароков) (231–235).

VII. О разности между пылким и острым разумом (Александр Сумароков) (235–237).

¹Здесь и далее тексты, опубликованные в ТП, цитируются по изданию: Трудолюбивая Пчела. Санкт-Петербург: (Тип. Акад. наук), 1759. 767 с. В круглых скобках указываются только страницы.

VIII. О неестественности (Александр Сумароков) (237–240).

IX. Российский Вифлеем (Александр Сумароков) (240–242).

X. Эклоги (Александр Сумароков) I. Ириси (242–246); II. Филиса (246–251); III. Аркас (251–256).

Раздел IX апрельской книжки сумароковского журнала — оригинальное эссе Сумарокова «Российский Вифлеем». Это, пожалуй, один из самых провокационных текстов, помещенных в журнале. Именно он во многом повлиял на писательскую репутацию Сумарокова у потомков в XIX–XX веках.

История вопроса

Статье Сумарокова посвящено несколько замечаний исследователей, как историков, так и литературоведов, однако прийти к общему знаменателю так и не удалось.

В начале XX в., комментируя содержание номеров ТП, историк С. М. Соловьев, в частности, отметил две статьи первого номера — «О пользе мифологии» Григория Козицкого и «О двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо...» Николая Мотониса. Мотонис такими качествами историка назвал искренность и несуетное богопочитание. Поскольку, с иронией писал Соловьев, пропущены другие главные качества исследователя истории, то при таком подходе и сама ТП предложила исторические рассказы, годные только для поучения невинных читателей (Соловьев 1911, 263). Статья Сумарокова далее подвергалась резкой критике за антиисторизм и бездоказательность, но для нас важно, что произведение Сумарокова рассматривалось ученым-историком как принадлежащее исторической науке (Соловьев 1911, 264).

Так же, как и Соловьев, Ю. В. Стенник указал на связь сумароковского текста с программной статьей Г. Козицкого «О пользе Мифологии». Возвращение в четвертом номере ТП к проблеме мифологии в виде коротенькой статьи «Российский Вифлеем» видится Стеннику как развитие и продолжение темы мифотворчества. Ученый объяснил историческую абсурдность сумароковского текста влиянием легенд, возникших еще в XVI в. о «мифическом родстве правившей в Московской Руси великокняжеской династии с потомками римских кесарей» (Стенник 1996, 31). С точки зрения литературоведа, издатель ТП уподобляет Коломенское евангельскому Вифлеему, а Петра Великого — Христу, потому что «мифология причудливо сочетается

в сознании Сумарокова с историей, выполняя роль не столько источника научного знания, сколько средств утверждения определенной идеологической программы» (Стенник 1996, 31).

Б. А. Успенский и В. М. Живов пришли к выводу, что барочное отождествление царя и Бога типично для середины XVIII в.: «для Сумарокова, так же, как и для Ломоносова, характерно применение к монарху сакральных образов» (Успенский, Живов 1996, 291–294).

М. Б. Свердлов справедливо выводит статью Сумарокова из научного исторического дискурса. Ученый обращает внимание на начало текста, в котором, с одной стороны, назван «реально существовавший в XI–XVI вв. знатный римский род Колонна», с другой — присутствует литературное преувеличение по поводу заслуг и должностей представителей рода, противоречащее «аутентичным историческим источникам» (Свердлов 2015, 17).

Таким образом, предшествующий анализ статьи Сумарокова «Российский Вифлеем», в сущности, сводится к двум оценкам: если это историческое произведение, то качества очень плохого; если это литература, то продолжение идеологически важной для издателя ТП темы сотворения мифа.

Фабула и композиция: предварительные замечания

Содержание статьи таково. Сумароков указывает, что римские архивы запечатали знатнейший род Колонна. В этом роду числится больше двухсот славных мужей, много святых мучеников и более тридцати кардиналов. Род распространился за границы Италии — в Испанию, Россию и Германию. В Россию из Рима, убегая от неприятелей, пришел Карл Колонна, храбрый, славный и богатый муж Италии. Это Карл на Москве-реке построил замок и назвал его по имени своего рода Колонною. Замок этот — нынешний город Коломна. Далее Сумароков пишет, что ему доподлинно не известно, сам ли Карл или его потомки построили село Коломенское, а важно, что в этом селе «родился ВЕЛИКИЙ ПЕТР, основатель нашего благополучия, отец отечества, честь народа своего, страх неприятелей и украшение рода человеческого» (241). Подражая евангелисту Матфею, Сумароков восклицает: «Ты, Коломенское, не уступишь во славе никакому граду Российской державы; ибо в тебе родился ВЕЛИКИЙ ПЕТР, основатель благополучия России» (241). Заканчивается текст восьмистишьем:

Российский Вифлеем: Коломенско село,
Которое на свет Петра произвело!
Ты счастья нашего источник и начало;
В тебе величие Российско воссияло.
Младенца, коего ты зрело в пеленах,
Европа видела на городских стенах,
И Океан ему под область отдал воды...
Дрожали от него всея земли народы (242).

Исследование метатекста апрельской книжки ТП

Загадка принадлежности статьи Сумарокова той или иной области знания, его природа и функция в апрельском номере ТП возникла вследствие игнорирования метатекстового характера как всех 12 книжек сумароковского журнала, так и миниметатекста, подчиненного одной проблеме в пределах каждого номера.

Герменевтика всех десяти произведений апрельского номера выявляет следующие парадигматические и синтагматические связи. Три статьи Сумарокова: «О несогласии», «О разности между пылким и острым разумом», «О неестественности» — образуют семантическое ядро номера и раскрывают взгляд автора на природу искусства, на соотношение риторики и поэтики в словесном творчестве, на связь действительности и искусства. Издатель ТП видит гармонию в искусстве как сердечное согласие, а не рациональное следование правилам грамматик и риторик. Для писателя важно остроумие в словах и остроумие в мыслях. А наличествуя вместе, сердечное согласие и пронизательность ума способны охладить излишне пылкий разум, плоды которого могут противоречить главному сумароковскому поэтологическому принципу «простоты естества».

Все другие произведения номера прямо или косвенно связаны с проблемой несогласия, несоответствия, неестественности. Отрывок из «Опыта немецкого словаря...» Рабенера иллюстрирует несогласие формы и содержания этикетных слов. Оригинальная статья Сумарокова «Истолкование личных местоимений я, ты, он, мы, вы, они» также дает словесные примеры подмены, одного вместо другого. «Баснь о Пираме и Фисбе» — пример несоответствия восприятия одного и того же события, которое приводит к печальному финалу известный Овидиев сюжет. Впоследствии Шекспир использовал данный сюжет в двух пьесах: трагедии «Ромео и Джульетта» и комедии «Сон в летнюю ночь». Отрывок «Из трактата Лонгинова, о важности слова...» переведен Сумароковым, чтобы

показать несоответствие между ожиданиями витийствующих ораторов и реальной оценкой слушателей и читателей речей. Перевод «Рассуждения...» из английского журнала «Смотритель» о Людовике XIV и Петре I соотносит дела императора со славой, развенчивает мнимое величие, провозглашает подлинное. Все высокие слова, сказанные о Петре, для Сумарокова не украшение и метафора, а истина, открывшаяся острому разуму. Венчающие номер эклоги «Ириса», «Филиса» и «Аркас» — поэтический пример жанровой формы, которая в концепции Сумарокова следует простоте естества и исполнена остроумия. Хотя и в данных эклогах присутствует момент несоответствия в разворачивании любовного сюжета, поскольку пылкая ревность возлюбленных порождена мнимой изменой.

Схематически структура четвертого номера такова: в зоне семантического ядра — теоретические вопросы поэтики, авторская концепция остроумия и пылкого разума: на периферии — литературные материалы, выступающие иллюстрацией сумароковских умозаключений, дающие примеры несурязиц или гармонии. В этой матрице осталось незаполненное место, принадлежащее статье «Российский Вифлеем». Какова же его природа и суть?

Исследование жанровой природы статьи Сумарокова

Овидиева «Баснь о Пираме и Фисбе» задала пародийный парафраз античного мотива: вариативность сюжета от трагедии до комедии, от слез до смеха обусловлена жанровой интенцией автора и амбивалентностью истории. Действительно, перевод Козицкого, вырванный из контекста апрельской книжки, «...хотя и содержит дорогой для Сумарокова-драматурга трагедийный сюжет, непонятно чему учит» (Абрамзон 2018, 14–15).

Поэтика «Российского Вифлеема» противоречит идее статьи «О несогласии», где по принципу отрицательного параллелизма утверждается формула *symphonia discors*. В панегирике Петру Великому слишком много явных несоответствий: от причудливого сочетания странной исторической прозы с сомнительного качества стихотворством, до явных логических нестыковок сюжетного разворачивания. Все несурязности сумароковского текста входят в противоречие с квинтэссенцией статьи «О разности между острым и пылким разумом». В «Российском Вифлееме» отсутствует остроумие в мыслях, господствует пылкий разум — остроумие в словах, которые соплагаются подчеркнuto

нелепо. В самом деле, Колонна превращается в Коломну, а Коломна соотносится с Коломенским селом только по созвучию: «В Россию пришел из Рима Карл Колонна <...>. Сей Карл на Москве реке построил замок, и нарек его по имени своего рода колонною. Замок сей есть нынешний город Коломна» (241). Далее повествователь с легкостью отказывается от собственного полета мысли и доказательности: «Он ли или потомки его построили село Коломенское, о том подлинно мне не известно» (241). И завершает пассаж: «...но то мне известно, что в сем селе родился ВЕЛИКИЙ ПЕТР, основатель нашего благополучия, отец отечества, честь народа своего, страх неприятелей и украшение рода человеческого» (241).

С одной стороны, Сумароков мог дать читателям текст, созданный причудой пылкого разума, не стремящегося к пронизательности, а ведомого только горячностью. В таком случае статью «Российский Вифлеем» можно рассматривать как самопародию. Однако в большинстве своем произведения Сумарокова носили полемический характер, и обычно можно восстановить литературный, научный или бытовой контекст появления тех или иных текстов издателя ТП. В данном случае носителем горячего, но неглубокого разума, с точки зрения писателя, мог стать М. В. Ломоносов, а пародируемыми текстами — два его произведения: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1754–1758) и «Слово похвальное блаженному и вечно достойному памяти государю императору Петру Великому...» (1755).

Прежде чем рассмотреть возможные аллюзии, уточним понимание функции пародии в теории и истории литературы. По Ю. Н. Тынянову, «пародийность и пародичность — понятия системные и вне системы литературы не мыслятся: применение одних и тех же пародических средств имеет различную функцию в зависимости от системного (или внесистемного) положения обоих произведений — пародирующего и пародируемого» (Тынянов 1977, 290). Применительно к истории литературы XVIII в. Н. Ю. Алексеева отмечает, что пародия создается в момент расцвета жанра и не является символом его слабости, умирания. Граница между серьезными и шутивными подражаниями размыта, поскольку «далеко не все они создавались с намерением дискредитации жанра или стиля» (Алексеева 2008, 22). И русская история, и личность Петра I, и фигура Христа, безусловно, у Сумарокова не подвергаются осмеянию — поэт

не развенчивает идейное содержание ломоносовских трудов, эти темы важны и для самого автора. Присутствие пародии скорее служит «контролем допустимой высоты стиля, напоминанием об опасности впасть в чрезмерный гиперболизм» и в итоге превратиться в пустоту (Алексеева 2008, 23). Противоположный эффект от пародии в случае Сумарокова достигается не языковыми или риторическими приемами, а когнитивными: это разрушение смысла прототекста. Смысловый сдвиг обеспечивается снятием напряжения в новом контексте. Вне контекста сумароковский текст похож на галиматью, нелогичное, нелепое, топорное рассуждение, грубо скроенное одеяло из рваных разнофактурных лоскутов. Видимо, поэтому вне пародийного контекста эта статья Сумарокова подвергалась исследовательскому остракизму. Рассмотрим конкретно.

Исторический дискурс

Первая параллель — историческая. Для Ломоносова в первую очередь была важна не собственно научная, а политическая составляющая русской истории и словесности. В «Древней Российской истории...» Ломоносов утверждал идею древности славян, гордился их победами и считал, что происхождение самоназвания славянского племени связано со славными его деяниями. Славяне занимали обширные территории и были могущественным народом задолго до того, как о них узнали греческие и римские историки. Ломоносов писал, что множество племен говорило на славянском языке еще до рождения Христа. Славянский язык, по Ломоносову, такой же древний, как греческий и латинский, и на синхронном срезе существует рядом с ними, как равный (Растягаев, Сложеникина 2015, 302–303). Не беда, формулирует свой исторический принцип Ломоносов, что в древних хрониках нет упоминаний о славянах: «...прежде докажем древность, потом поищем в ней имени» (Ломоносов 1952, 178).

Поиск имени осуществлялся Ломоносовым по фонетическому сходству:

Признаки древнего имени славянского явствуют, во-первых, у Птолемея под названием ставан. Свойство греческого и латинского языка не позволяет, чтобы они выговорить могли славян имя. Ради того прежде ставанами, после склаванами и сфлаванами называли. Амазоны, или алазоны, славянский народ, по-гречески значат

самохвалов; видно, что сие имя есть перевод славян, то есть славящихся, со славенского на греческий. <...> народ <...> славою дел утвердил себе славное имя, которое хотя поздно по свету распространилось, однако внутри было давно в употреблении (Ломоносов 1952, 182).

Особенно уязвимым выглядит упоминание Ломоносовым о происхождении славянского народа от Мосоха, внука Ноева, отсылающее читателя к Священному Писанию как историческому источнику:

Мосоха, внука Ноева, прародителем славенского народа ни положить, ни отрещи не нахожу основания. Для того оставляю всякому на волю собственное мнение, опасаясь, дабы священного писания не употребить во лжесвидетельство, к чему и светских писателей приводить не намерен (Ломоносов 1952, 180).

Легенда о происхождении Москвы от Мосоха была популярна в России в конце XVII века. Ее истоки находятся в компилятивном описании начала русского народа Синописе Киевском (1674), приписываемом архимандриту Киево-Печерской лавры Иннокентию Гизелю. Популярризацией идеи занимался иеродиакон Холопьево монастыря Тимофей Каменевич-Рвовский, автор «Истории греко-славянской» (1684), компиляции «О древностях Российского государства» (1699), «Истории о начале славяно-российского народа» (1699) и др.

Хотя Ломоносов чуть позже в этой же главе написал, что «великий перерыв времени, в кое о москах не упоминают внешние и домашние писатели, не позволяет утверждать о единоплеменстве мосхов и славян московских без довольного свидетельства» (Ломоносов 1952, 180–181), остается вопрос: должен ли научный труд, который предпринял Ломоносов, содержать документально подтвержденные данные или, как раньше, может оставаться компиляцией суевренных мифов и преданий?

Сам Сумароков теорию «Мосох — Москва» не разделял. И в статье «О первоначалии и созидаании Москвы» из январского номера ТП, и в «Краткой Московской летописи» (1774) он писал, что и великий князь Георгий Долгорукий, и Даниил нарекли город по имени реки, а река называлась Москвой. Правда, и этимология самого Сумарокова не выдерживает критики. Его версия такова: прежнее название Москвы-реки — Смородина. Река пересекала Смоленскую дорогу и имела мосток. На мосту часто ломались

оси, колеса, дроги. Поэтому рядом с мостом поселились кузнецы, что впоследствии дало названия Кузнецкому мосту. «От сих мостков главная река получила наименование: а от реки и город» (Сумароков 1774, 7).

Причины неизвестны, но следствия таковы: «Тираж трех первых листов “Древней российской истории...” Ломоносова, отпечатанный в 1758 г., был уничтожен. А новый вариант книги вышел только в 1766 г.» (Самарин 1998, 94).

Риторический дискурс

Вторая параллель — риторическая. Она ведет к ломоносовскому «Слову похвальному блаженному и вечно-достойному памяти государю императору Петру Великому...» (1755). «Слово...», говоренное 26 апреля 1755 по случаю празднования дня рождения императрицы Елизаветы Петровны в публичном собрании Санкт-Петербургской Императорской Академии, весьма обширно по объему, чрезмерно напыщенно даже для стилистики Ломоносова, а количество «изображений в мыслях» не поддается исчислению. Фигура Петра гиперболизирована и в финале уподобляется Богу:

Я вижу в древности и в новых временах обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы <...> Других не употребляю примеров, кроме Рима. Но и тот недостаточен. Что в двести пятьдесят лет, от Первой Пунической войны до Августа, Непота, Сципиона, Маркелла, Регула, Метелла, Катона, Суллы произвели, то Петр сделал в краткое время своей жизни. Кому ж я героя нашего уподоблю? <...> Обыкновенно представляют его в человеческом виде. И так, ежели человека, Богу подобного, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю. За великие к Отечеству заслуги назван он Отцом Отечества. Однако мал ему титул (Ломоносов 1959, 610–611).

Если Ломоносов не находит аналогии российской истории, кроме как в Риме, то у Сумарокова Рим присутствует как ложный локус — не имеется никаких исторических доказательств присутствия кого-либо из рода Колонна в России. Ломоносовская метафора «богоподобный» у Сумарокова буквализируется: Петр становится воплощением Христа, а легендарное место рождения в селе Коломенском — российским Вифлеемом. Как отмечают Б. А. Успенский и В. М. Живов, «для

Ломоносова вообще исключительно характерны панегирические славословия монарху с применением сакральных образов» (Успенский 1996, 289). При этом ученые подмечают интересную тенденцию, называя случаи отождествления Петра и Бога барочными:

В тех случаях, когда сакрализация монарха реализуется не в виде параллелизма стихотворных и библейских текстов, а в виде прямого наименования монарха словом «Бог» или однородными с ним словами, Ломоносов сознательно выводит соответствующие тексты за рамки христианской традиции (Успенский 1996, 291).

Это несоответствие за Ломоносова преодолел Сумароков, определив на карте России место рождения спасителя России и дополнив титул «Отец Отечества», показавшийся Ломоносову малым, еще четырьмя определениями: «основатель нашего благополучия», «честь народа своего», «страх неприятелей» и «украшение рода человеческого».

Заканчивается статья Сумарокова восьмистишьем, написанным излюбленным ломоносовским размером — шестистопным ямбом. По подсчетам А. В. Западова,

...создатель русского ямба, Ломоносов пользовался в своем поэтическом творчестве почти исключительно этим размером. Из 13 348 стихотворных строк, составляющих литературное наследие Ломоносова, свыше 13 000 написаны ямбом, что составляет 98 % <...> Ямб преобладает шестистопный (более 7000 строк) (Западов 1979, 67).

Располагая природным дарованием стихотворца и гораздо большим арсеналом поэтических средств, Сумароков не стал бы без художественного замысла пользоваться рифмами Ломоносова. Одоподобное сочинение Сумарокова, очевидно, пародирует высокий стих Ломоносова.

Рифму *начало — воссияло* находим в «Оде на день восшествия на престол ...императрицы Елизаветы Петровны 1748 года»:

Благословенное начало
Тебе, Богиня, воссияло
(Ломоносов 1959, 215).

Рифму *воды — народы* — В «Оде на день восшествия на всероссийский престол <...> императрицы Елизаветы Петровны 1746 года»:

Уже со многими народы
Гласит эфир, земля и воды,
И камни вопиют теперь!
(Ломоносов 1959, 139).

Аналогично в «Оде на день восшествия на всероссийский престол <...> императрицы Елизаветы Петровны 1747 года»:

Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
(Ломоносов 1959, 205).

А также в «Оде ее императорскому величеству <...> Елизавете Петровне 1757 года»:

Красуйтесь, многие народы:
Господь умножил дом Петров.
Поля, леса, берега и воды!
(Ломоносов 1959, 632).

Сюжет о запеленованном младенце Петре, от которого впоследствии будут трепетать все народы земли, мог быть позаимствован Сумароковым для пародирования из «Оды на день рождения ее величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1746 года»:

Тогда от радостной Полтавы
Победы Росской звук гремел,
Тогда не мог Петровой славы
Вместить вселенныя предел,
Тогда Вандалы побежденны
Главы имели преклоненны
Еще при пеленах твоих;
Тогда предъявлено судьбою,
Что с трепетом перед Тобою
Падут полки потомков их
(Ломоносов 1959, 153).

Первым на пародийность и самопародийность од Сумарокова обратил внимание Н. П. Берков, отметив, что поэт использовал «ломоносовские образы и обороты речи», хотя утверждал, что в поэзии не имеет учителей и ни на кого не равняется (Берков 1957, 31). Замечательно, что в качестве примера Берков приводит отрывок из сумароковской оды Елизавете 1755 года с рифмой *народы — воды*:

Ты будешь верность нашу зреть.
Восстаньте, разных стран народы,
Бунтуйте, воздух, огонь и воды!
Пойдем пленить или умереть
(Берков 1957, 32).

Берков увидел, что пародийность имело не только раннее творчество Сумарокова, но и в 1750-е гг. писатель продолжил «вздорное» сочинительство:

...«вздорные оды» в известной мере могут считаться и автопародиями, так как Сумароков, создавая свои торжественные оды, подчинялся «законам жанра» и пользовался художественными приемами, которые сам же осуждал (Берков 1957, 32).

Предполагаем, что Сумароков к концу 1750-х гг. расширил жанровый репертуар своих пародий, а его статья «Российский Вифлеем» — пародийная контаминация прозаических и поэтических жанров. Со ссылкой на «Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту» Н. Яновского (1803–1806) Н. Ю. Алексеева уточняет, что на русской почве пародия существовала в поэтической форме, а о прозаической пародии стало возможным говорить только на рубеже XVIII–XIX веков (Алексеева 2008, 17). Если наша гипотеза верна, то Сумароков опередил время на полвека.

Выводы

Таким образом, статья «Российский Вифлеем» принадлежит к периферии апрельской книжки ТП, семантическое ядро которой составляют три эссе Сумарокова: «О несогласии», «О разности между пылким и острым разумом», «О неестественности». Они интегрируют поэтологическую концепцию автора и издателя ТП и манифестируют его взгляд на природу искусства, на соотношение риторики и поэтики в словесном творчестве, на связь действительности и искусства. Для Сумарокова гармония в искусстве

рождается от сердечного согласия, а не от грамматических или риторических законов. Писатель должен обладать остроумием и в мыслях, и в словах. Сердечное согласие и пронизательность ума ограждают писателя от поэтической вседозволенности и позволяют следовать принципу «простоты естества». Все другие произведения номера прямо или косвенно связаны с проблемой несогласия, несоответствия, неестественности, освещают ее теоретически и представляют практические образцы гармонии или галиматый.

С одной стороны, Сумароков дает читателям текст, созданный причудой пылкого разума, не стремящегося к пронизательности, а ведомого только горячностью. Поэтому статью можно рассматривать как самопародию. С другой — конкретной пародической личностью является Ломоносов и два его произведения: «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» (1754–1758) и «Слово похвальное блаженному и вечно-достойному памяти государю императору Петру Великому...» (1755). Пародийный эффект достигается не языковыми или риторическими приемами, а когнитивными — в результате перенесения смысла в иной контекст. Вне ломоносовского контекста сумароковский текст похож на галиматью, нелогичное, бездоказательное рассуждение. Видимо поэтому, вне пародийного контекста, эта статья Сумарокова рассматривалась по большей части как нелепое историческое сочинение и компрометировала издателя ТП и его журнал.

Источники

- Ломоносов, М. В.; Виноградов, В. В., Андреев, А. И., Блок, Г. П. (ред.) (1959) *Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1279 с.
- Сумароков, А. П. (1774) *Краткая московская летопись. Сочинение Александра Сумарокова.* СПб.: При Императорской Академии наук, 24 с.
- Трудолюбивая пчела.* (1759) СПб.: [Тип. Акад. наук], 767 с.

Литература

- Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. (2018) А. П. Сумароков — издатель журнала «Трудолюбивая пчела»: факты и мифы (к 300-летию со дня рождения писателя). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, т. 37, № 1, с. 5–17. DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-5-17

- Алексеева, Н. Ю. (2008) Вздорные оды А. П. Сумарокова в их отношении к его торжественным одам. В кн.: Н. Д. Кочеткова (ред.). *XVIII век. Сб.* 25. СПб.: Наука, с. 4–25.
- Берков, П. Н. (1957) Жизненный и литературный путь А. П. Сумарокова. В кн.: Сумароков А. П. *Избранные произведения*. Л.: Советский писатель, с. 5–46.
- Западов, А. В. (1979) *Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин)*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 312 с.
- Растягаев, А. В., Сложеникина, Ю. В. (2015) О происхождении русского народа и русского языка: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. *Знание. Понимание. Умение*, № 3, с. 299–307. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.25
- Растягаев, А. В., Сложеникина, Ю. В. (2014) Статья А. П. Сумарокова «О первоначалии и созидании Москвы» (1759): от топоса-места к топике культуры. В кн.: Н. Т. Пахсарьян (ред.). *XVIII век: топосы и пейзажи*. СПб.: Алетейя, с. 360–369.
- Самарин, А. Ю. (1998) *Распространение и читатель первых печатных книг по истории России (конец XVII–XVIII в.)*. М.: Изд-во МГУП, 159 с.
- Свердлов, М. Б. (2015) Россия в исторических разысканиях А. П. Сумарокова. *Клио*, № 4 (100), с. 15–29.
- Сложеникина, Ю. В., Растягаев, А. В. (2013) Из истории отечественной словесности XVIII столетия (на материале статьи А. П. Сумарокова «О первоначалии и созидании Москвы»). В кн.: Е. В. Брыкина, В. И. Супрун (ред.). *Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования: Сборник материалов межрегиональной конференции*. Волгоград: ПРО100 Медиа, с. 91–96.
- Соловьев, С. М. (1911) *История России с древнейших времен*: в 29 т., 6 кн. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. 3-е изд. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1178 стб.
- Стенник, Ю. В. (1996) Сумароков — историк. В кн.: *XVIII век. Сб.* 20. СПб.: Наука, с. 23–46.
- Тынянов, Ю. Н. (1977) О пародии. В кн.: Ю. Н. Тынянов. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, с. 284–310.
- Успенский, Б. А., Живов, В. М. (1996) Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России). В кн.: Б. А. Успенский. *Избранные труды. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры*. 2-е изд. М.: Школа «Языки русской культуры», с. 205–337.

Sources

- Lomonosov, M. V.; Vinogradov, V. V., Andreev, A. I., Blok, G. P. (eds.). (1959) *Polnoe sobranie sochinenij: V 11 t. T. 8: Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. 1732–1764 gg. [Complete works: In 11 vols. Vol. 8: Poetry. Oratory prose. Inscriptions. 1732–1764]*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1279 p. (In Russian)
- Sumarokov, A. P. (1774) *Kratkaya moskovskaya letopis'. Sochinenie Aleksandra Sumarokova [A short Moscow chronicle. The work of Alexander Sumarokov]*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House, 24 p. (In Russian)
- Trudolyubivaya pchela*. (1759) Saint Petersburg: Academy of Sciences Printing House, 767 p. (In Russian)

References

- Abramzon, T. E., Petrov, A. V. (2018) A. P. Sumarokov — izdatel' zhurnala "Trudolyubivaya pchela": fakty i mify (k 300-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya) [A. P. Sumarokov, a publisher of the magazine "A Hard-working Bee": Facts and myths (to the 300th anniversary of the writer)]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki — Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, vol. 37, no 1, pp. 5–17. DOI: 10.18413/2075-4574-2018-37-1-5-17 (In Russian)
- Alekseeva, N. Yu. (2008) Vzdornye ody A. P. Sumarokova v ikh otnoshenii k ego torzhestvennym odam [The festive odes by A. P. Sumarokov as related to his solemn odes]. In: N. D. Kochetkova (ed.). *XVIII vek [18th century]*. Iss. 25. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 4–25. (In Russian)
- Berkov, P. N. (1957) Zhiznennyj i literaturnyj put' A. P. Sumarokova [The life and literary path of A. P. Sumarokov]. In: A. P. Sumarokov *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Leningrad: Sovetskij Pisatel' Publ., pp. 5–46. (In Russian)
- Zapadov, A. V. (1979) *Poety XVIII veka (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin) [The poets of the 18th century (M. V. Lomonosov, G. R. Derzhavin)]*. Moscow: Moscow State University Publ., 312 p. (In Russian)
- Rastyagaev, A. V., Slozhenikina, Yu. V. (2015) O proiskhozhdenii russkogo naroda i russkogo yazyka: Tredyakovskij, Lomonosov, Sumarokov [On the origin of the Russians and the Russian language: Tredyakovsky, Lomonosov, Sumarokov]. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 299–307. DOI: 10.17805/zpu.2015.3.25 (In Russian)
- Rastyagaev, A. V., Slozhenikina, Yu. V. (2014) Stat'ya A. P. Sumarokova "O per'vonachalii i sozidanii Moskvy" (1759): ot toposa-mesta k topike kul'tury [The article by A. P. Sumarokov "On the origin and creation of Moscow" (1759): From topos-place to the topics of culture]. In: N. T. Pahsaryan (ed.). *XVIII vek: topoty i pejzazhi [18th century: Toposes and landscapes]*. Saint Petersburg: Aletejya Publ., pp. 360–369. (In Russian)

- Samarin, A. Yu. (1998) *Rasprostranenie i chitateľ pervyh pechatnyh knig po istorii Rossii (konets XVII–XVIII v.)* [The distribution and the reader of the first printed books in the history of Russia (the late 17th–18th centuries)]. Moscow: Moscow State University of Printing Arts Publ., 159 p. (In Russian)
- Sverdlov, M. B. (2015) Rossiya v istoricheskikh razyskaniyakh A. P. Sumarokova [Russia in historical studies of A. P. Sumarokov]. *Klio*, no. 4 (100), pp. 15–29. (In Russian)
- Slozhenikina, Yu. V., Rastyagaev, A. V. (2013) Iz istorii otechestvennoj slovesnosti XVIII stoletiya (na materiale stat'i A. P. Sumarokova "O per'vonachalii i sozidanii Moskvy") [From the Russian literature history of the 18th century (on the basis of the article by A. P. Sumarokov "On the origin and creation of Moscow")]. In: E. V. Brysina, V. I. Suprun (eds.). *Russkij yazyk kak gosudarstvennyj yazyk Rossijskoj Federacii: Lingvisticheskij, social'nyj, istoriko-kul'turnyj, didakticheskij konteksty funkcionirovaniya: Cbornik materialov mezhhregional'noj konferencii* [Russian as the state language of the Russian Federation: Linguistic, social, historical, cultural and didactic contexts of functioning: Proceedings of interregional conference]. Volgograd: PRO100 Media Publ., pp. 91–96. (In Russian)
- Solov'ev, S. M. (1911) *Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen* [The history of Russia since the most ancient times]. In 29 vols, 6 books. 3rd ed. Book 6. Vols XXVI–XXIX. Saint Petersburg: Tovarishchestvo "Obshchestvennaya pol'za" Publ., 1178 columns. (In Russian)
- Stennik, Yu. V. (1996) Sumarokov — istorik [Sumarokov as a historian]. In: *XVIII vek [18th century]*. Iss. 20. Saint Petersburg: Nauka Publ., pp. 23–46. (In Russian)
- Tynyanov, Yu. N. (1977) O parodii [On parody]. In: *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka Publ., pp. 284–310. (In Russian)
- Uspenskij, B. A., Zhivov, V. M. Tsar' i Bog (Semioticheskie aspekty sakralizacii monarha v Rossii) [Tsar and God (The semiotic aspects of the monarch's sacralization in Russia)]. In: B. A. Uspenskij. *Izbrannye trudy. T. I: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works. Vol. I: Semiotics of history. Semiotics of culture]. 2nd ed. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury" Publ., pp. 205–337. (In Russian).